

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС: ОЦЕНКА СИТУАЦИИ И ЗАДАЧИ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ

Смертный грех народа — продажа национальных культурных ценностей, передача их под залог (ростовщичество всегда считалось у народов европейской цивилизации самым низким делом). Культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще ныне живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим. Подобно тому, как мы не имеем морального права расхищать природные богатства, не учитывая прав собственности, жизненных интересов наших детей и внуков, точно так же мы не вправе распоряжаться культурными ценностями, которые должны служить будущим поколениям.

Д. С. Лихачев. Культура как целостная среда

Глобальный кризис имеет множество измерений, среди которых обычно называют экономическое и финансовое, так как они затрагивают главный нерв всякой вла-

¹ Академик РАН, член Президиума РАН, председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор.

Автор более 400 научных работ и 29 изобретений. Возглавляет секцию экологической политики Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов, член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Кавалер золотых и серебряных медалей РАМН им. В. В. Пашутина, А. Д. Сперанского, И. П. Павлова, Н. В. Тимофеева-Ресовского, золотой медали Российского научного общества иммунологов «За выдающийся вклад в развитие иммунологии», золотых медалей им. П. Эрлиха и Р. Вирхова Европейской академии естествознания (Ганновер).

Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

² Заведующий кафедрой теоретической политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ.

Член Научно-экспертного совета и Координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации РФ, Экспертного

совета Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Государственной Думы. Автор свыше 200 научных публикаций, в том числе 20 книг: «Российское зарубежье: история и современность», «Русский вопрос», «Горизонты культурной политики России», «Концепция региональной культурной политики: методологические принципы» и др.

сти — контроль над стратегическими ресурсами. Невольно реже называют социальное и экологическое измерения кризиса, поскольку социальные и экологические риски в эпоху нестроений постоянно напоминают о себе социальными взрывами и техногенными катастрофами. При этом почти не вспоминают о цивилизационном измерении и никогда — о личном, связанном как с восприятием причин и масштабов кризиса в сознании людей, так и с жизненным интересам и планам которых он ударяет, так и с персонификацией ответственности за политические решения, способные усилить или ослабить деструктивные факторы. Чем объяснить столь дифференцированный подход, свидетельствующий о явной недооценке наиболее важных измерений современного кризиса, кото-

совета Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Государственной Думы.

Автор свыше 200 научных публикаций, в том числе 20 книг: «Российское зарубежье: история и современность», «Русский вопрос», «Горизонты культурной политики России», «Концепция региональной культурной политики: методологические принципы» и др.

рые открывают его природу и позволяют лечить не симптомы заболевания, а его причины? Многие объясняются узкопрагматическим и сугубо технократическим характером современной мировой политики, из-за чего временной горизонт стратегического планирования и прогнозирования сужается до сиюминутных реакций.

Причина узкопрагматической направленности большинства осуществляемых сегодня антикризисных программ-паллиативов объясняется тем, что корпоративные и групповые интересы в современном мире явно доминируют над всеми другими интересами — будь то ожидания мирового сообщества, связанные с минимизацией запредельных экологических угроз, или надежды народов на решение социальных и этнокультурных проблем. Интересы целых культурных миров, великих цивилизаций, в том числе и российской, не просто игнорируются, но приносятся в жертву новым политическим доктринам, построенным по старому принципу «свой-чужой», разделяющему человеческое сообщество на «цивилизованные страны», входящие в узкий круг «успешных» демократических государств, и «страны-изгой». Последним отказывается и в праве на остатки суверенитета (сужение суверенности — общая закономерность эры глобализации), и даже в неотчуждаемом праве на цивилизационную идентичность.

В современной геополитике просматривается чрезвычайно опасная тенденция, получившая наиболее полное воплощение в теории межцивилизационных конфликтов, которая в условиях масштабного и затяжного кризиса вполне может переродиться в политическую идеологию межцивилизационных и межконфессиональных войн. Рубеж тысячелетий был ознаменован попыткой развязать такие нелокализуемые войны с целью отсрочить наступление финансового и экономического кризиса, что в итоге привело и к активизации транснациональных террористических организаций, и к крушению всей мировой финансовой системы, уже не поддающейся традиционным методам «лечения».

Причина перерождения заурядной научной теории в опасную стратегию — заметное ослабление гуманитарной культуры, опирающейся на национальные традиции, и, соответственно, выхолащивание гуманистического содержания европейской цивилизации. Об этом неоднократно говорил и писал Д. С. Лихачев, по мнению которого не существует непреодолимых различий между европейской и российской цивилизациями, и такая родственная связь сохранится до той поры, пока не возобладают деструктивные изменения. Кризис национальных культур и общей культуры носит труднообратимый характер и усугубляется под натиском коммерческих субкультур, поддерживаемых мировыми СМИ. Среди бесчисленных деструктивных факторов особого внимания заслуживает целенаправленная деятельность по сокращению спектра гуманитарных знаний в системе образования, а также доминирование в информационную эпоху «визуальной культуры» и «сетевых коммуникаций» над культурой чтения (индивидуального и семейного) и традиционными межличностными контактами.

Тот факт, что национальные интересы приносятся в жертву групповым, остается почти не замеченным на фоне постоянных отсылок на планетарные масштабы надвигающейся катастрофы и необходимость признания главенства глобальных проблем над проблемами, имеющими якобы частный, узконациональный характер, хотя именно от их решения зависит грамотная постановка и осмысление глобальных проблем. Подобные аргументы, оправдывающие примат глобального над национальным, воспринимаются как вполне разумные доводы только по той причине, что в эпоху глобализации действительно крайне трудно провести различия между интересами финансо-

вых элит и транснациональных корпораций, с одной стороны, и национальными интересами — с другой. К тому же собственно национальные интересы и в мирное, «некризисное» время с трудом поддаются точному определению: число конкурирующих и трудно совместимых версий «национальных идей» не поддается учету, как и число партий, движений и политических учений, в недрах которых эти идеи постоянно производятся и тиражируются.

Вопрос о том, почему игнорируется личностный аспект глобального цивилизационного кризиса, требует обращения к социальной психологии и, пожалуй, к криминологии. Глубокий кризис — это, как известно, самый удобный момент для того, чтобы списать ошибки и даже откровенные преступления (хищения, использование административного ресурса в корыстных целях и другие грубые нарушения действующего законодательства) на внешние обстоятельства. Логика самооправдания предельно проста: если лидеры развитых стран и самые высокооплачиваемые менеджеры ведущих мировых компаний не смогли приостановить лавинообразное обрушение собственных национальных экономик или крупнейших банков, то какие претензии могут быть к доморощенным олигархам и политическим менеджерам? На самом деле кризис должен повышать личную ответственность и включать репрессивные механизмы, так как именно он провоцирует и рост преступности, и разрастание коррупции во всех эшелонах власти. К тому же кризис — это обострение конкуренции, которая переходит в борьбу на уничтожение. Кризис — это сезон охоты на слабых, к какому бы социальному слою или профессиональной группе они ни принадлежали.

При этом современный кризис иногда наивно воспринимают как момент истины: мы наблюдаем еще первые подземные толчки мощных тектонических сдвигов в человеческом мироустройстве, а уже появилось бесчисленное множество публикаций о том, как кризис «открыл глаза» и выявил «суть явлений». Он якобы обнажает подлинное соотношение сил на мировой арене, скрытое в спокойное время, а также проявляет глубоко спрятанную сущность каждого человека, вовлеченного в общий водоворот событий и вынужденного жить в эпоху общества риска, как все чаще называют наше время. В такой трактовке кризиса есть, наверное, толика правды, но куда больше самообмана, да и просто обмана.

Думается, что кризис не столько разрушает иллюзии, сколько порождает новые, еще более опасные. Уже первая волна нынешнего кризиса продемонстрировала готовность экспертного сообщества признать его универсальный характер, а следовательно, и направить поиск антикризисных мер на выработку унифицированных моделей поведения национальных экономик в условиях тотальной дестабилизации. При этом не учитывается риск, который несет в себе сам этот подход применительно к государствам, находящимся в заведомо неравном положении (любой кризис — разновидность управляемого хаоса, дающего преимущества немногим игрокам), в частности к России, которая не вписывается в общемировую схему распространения кризиса. К примеру, по ряду параметров можно говорить о том, что мегатренды, основательно разрушившие целые финансовые империи западного мира, пока лишь раскачивают финансовую и политическую систему нашей страны, не нарушая критического порога ее устойчивости. Этот феномен обычно объясняется эффективностью «финансовой подушки», созданной в эпоху «нефтедолларового допинга». Вместе с тем по другим, не менее важным показателям картина представляется совершенно иной, поскольку механизмы, обеспечивающие степень устойчивости только еще формирующейся экономической и политической системы, не сводятся к набору

политических решений, связанных с созданием и размещением резервного фонда.

Среди иллюзий, порожденных так называемым глобальным финансовым кризисом, особо следует выделить временную потерю «исторической памяти». На фоне происходящих потрясений мы почти забыли о *системном кризисе*, в котором пребывала наша страна с момента крушения СССР и биполярного мира. Наивно думать, что Россия полностью преодолела его последствия. Еще наивнее было бы предположить, что она избавилась от глубинных факторов исторического и даже трансисторического характера, предопределивших распад великой страны. Но внешние деструктивные воздействия (мировой «мор экономик») могут по-разному «наложиться» на родовые недуги России. Все зависит от способности взглянуть на проблему не с узких позиций «временщика», минимизирующего сиюминутные риски (по принципу «после нас хоть потоп»), а с позиций поистине государственных, учитывающих иерархию долгосрочных целей и исторический контекст. А задача сценарного прогнозирования в том и заключается, чтобы увидеть и предсказать как негативные, так и позитивные последствия такого «наложения». Дело в том, что многие наши возможные преимущества (например, системный ресурсный потенциал) и те очевидные пороки, которые превращают преимущества в факторы повышенного риска, в действительности или представляют собой явления одного порядка, или могут рассматриваться как разные стороны одного и того же процесса.

Академик Д. С. Лихачев лучше многих мыслителей нашего времени понимал природу цивилизационного кризиса и связанных с ним рисков для России, о которых идет речь. По его мнению, «настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса», поскольку «это типично для русской истории». Констатируя данный факт, Лихачев задает риторический вопрос: а «были ли в России эпохи, которые воспринимались бы их современниками как вполне стабильные и благополучные?» И здесь же убедительно демонстрирует, что само перечисление эпох служит ответом. Какую из них не называли кризисом: «Период княжеских распрей или тира-

нии московских государей? Петровскую эпоху и период послепетровского царствования? Екатерининскую? Царствование Николая I?» Общий вывод из сказанного подтверждается ссылками на позиции выдающихся мыслителей прошлого: «Не случайно русская история прошла под знаком тревог, вызванных неудовлетворенностью настоящим, вечевых волнений и княжеских распрей, бунтов, тревожных земских соборов, восстаний, религиозных волнений». Достоевский писал о «вечно создающейся России», а А. И. Герцен отмечал: «В России нет ничего оконченного, окаменелого: все в ней находится еще в состоянии раствора, приготовления... Да, всюду чувствуешь известие, слышишь пилу и топор».

Для политиков, финансистов и ученых-экономистов текущий кризис — главная глобальная проблема, по сравнению с которой теряют смысл все прочие, будь то надвигающийся экологический коллапс или лавинообразное обрушение языков и народов, сопоставимое только с динамикой исчезновения видов в живой природе. Но разве угроза исчезновения с лица Земли большей части культур и языков в течение жизни двух-трех поколений (от 60 до 90 % языков и наречий) — это не глобальная проблема, недооценка или замалчивание которой можно приравнять к самому тяжелому из преступлений — преступлению перед человечеством? Известно, что каждые две недели на планете умирает один язык, что означает приговор одному народу. Но масштабы угрозы не воспринимаются, когда все внимание приковано к кризису. Закрадывается сомнение: может быть, кризис и нужен как обезболивающее средство, позволяющее перекраивать под корпоративные интересы политическую, этническую и ресурсную карты планеты?

Вывод, который можно сделать, лежит на поверхности. Пути к разрешению кризиса следует искать не в латании обветшалой мировой финансовой системы (это всего лишь паллиатив, способный отсрочить неизбежную расплату за невозвращенные долги перед природой и культурой), а в совместных усилиях по восстановлению давно утраченного доверия между различными цивилизационными мирами, среди которых особое место занимает российская цивилизация.